

МОИ ВОСЕМЬ ПРА-ПРА-ПРАДЕДОВ

Андрей Александрович
Кологривов

Каждый из нас имеет одного отца, двух дедов, четырех прадедов, восемь пра-прадедов, шестнадцать пра-пра-прадедов. Война 1812 г. приходится на поколение моих пра-пра-прадедов и, так как она была Отечественной, то есть всенародной, можно думать, что если не все шестнадцать, то многие были ее участниками. Посмотрим, так ли это. К сожалению, из шестнадцати пра-пра-прадедов мне известны только восемь, память об остальных канула в Лету.

Старший по родословной схеме пра-пра-прадед, то есть предок по прямой мужской линии, **Иван Семенович Кологривов**, дворянин Орловской губернии, в молодости был лейб-гусаром, но к 1812 г. числился уже действительным статским советником. По семейным преданиям, он был тверским гражданским губернатором и за содействие в снабжении действующей армии удостоился монаршей благодарности. А его брат, **Алексей Семенович Кологривов**, был во время Бородинского сражения командиром 49-го Егерского полка в чине полковника. В память о подвигах этого полка на стене здания музея Бородинской битвы высечена надпись:

*Ударил враг, но грозная стальная
Грудь богатырская могучих егерей
Сломила мощь его, и слава мировая,
Поднявшись высоко,
не меркнет в смене дней.*

В 1813 г. Алексей Семенович был произведен в генерал-майоры. Его портрет

Алексей Семенович Кологривов – участник Бородинского сражения. *Дж. Доу*

Андрей Семенович Кологривов

помещен в Военной галерее Зимнего дворца справа от портрета Александра I в верхнем ряду.

Еще больше отличился третий брат – **Андрей Семенович Кологривов**. Блестяще проявив себя в войнах с Наполеоном в 1805–1807 гг., за что получил многочисленные награды и чин генерала от кавалерии, он вышел в 1807 г. в отставку по болезни, но с началом Отечественной войны подал прошение о возвращении на военную службу и был назначен командиром кавалерийских резервов. Под его началом служил А.С. Грибоедов, который был поражен способностями генерала Кологривова превращать новобранцев в настоящих воинов в самые короткие сроки. В очерке «О кавалерийских резервах» А.С. Грибоедов пишет: «...уже выслано [в действующую армию] 10 гвардейских эскадронов, являющих вид всадников испытанных, закоснелых в военном ремесле и кои вскоре сделались ужасными неприятелю. Так! В толь скорое время, когда самый взыскательный военноискусник не был бы вправе ничего требовать, кроме некоторого навыка в обращении с лошадьми, возникли сии [воины] с блестящей наружностью, искусные в построениях и всем отличные <...>».

<...> эскадроны из новообразованных, которые принимали участие в военных действиях, почти все отличились. Для примера упомянем о Павлоградском гусарском, который, составленный весь из рекрут и не доходя еще до своего назначения, в одной сшибке с неприятелем разбил его наголову и взял 200 нижних чинов в плен; также и Сумской ударил один на два эскадрона и обратил их в бегство...».

Подробнее о Кологривовых и их участии в войне 1812 г. я рассказал в моей книге «Вера и честь. История рода Кологривовых с XII по XX век» (М., 2000); экземпляры этой книги подарены мною Музею-панораме «Бородинская битва» и Обществу потомков участников Отечественной войны 1812 г.

Прежде чем перейти от Кологривовых к другим моим предкам, нелишне вспомнить о дальнем родственнике – **Сергее Николаевиче Кологривове**, который в 1910-е годы был одним из основателей Общества потомков Отечественной войны 1812 г. Наши родословные ветви разошлись в XVI веке, так что родство очень далекое. Но мне посчастливилось познакомиться с его племянницей – Еленой Дмитриевной, урожденной Кологривовой, в замужестве Гутбр. Это знакомство осуществилось благодаря Владимиру Алексеевичу Казачкову

(1902–1994) – основателю нынешнего Общества потомков участников войны 1812 г. Как известно, Общество было создано фактически на одном энтузиазме Владимира Алексеевича в начале 1960-х годов при Музее-панораме «Бородинская битва». Земной поклон Владимиру Алексеевичу, разыскавшему и собравшему уцелевших от лихолетья предшествующей эпохи потомков участников войны 1812 г. под гостеприимной кровлей Бородинской панорамы!

Елена Дмитриевна Гутóр хранила много реликвий, которые, к сожалению, почти все пропали после ее смерти в 1987 г. Но она успела сообщить очень много ценных сведений известному генеалогу – Юрию Борисовичу Шмарову (1897–1989). Когда я просматривал в архиве Шмарова дела о Кологривовых, то узнал, что много сведений было получено им от Елены Дмитриевны. Юрий Борисович скончался в 1989 г., архив его поступил в Государственный музей А.С. Пушкина, где хранится и ныне.

Второй из известных мне пра-пра-прадедов – князь **Александр Иванович Ухтомский** – родился в 1791 г. в Москве в приходе церкви Харитония в Огородниках в доме Г.Г. Остригина. Состоял в свите Его Императорского Величества по квартирмейстерской части колонновожатым с 1806 г. Переведен в лейб-гвардии Егерский полк портупей-юнкером 30.01.1808 г. Произведен в прапорщики с переводом в лейб-гвардии Финляндский полк 12.12.1808 г. В войну 1812 г. участвовал в сражениях при Бородине, Тарутине, Малоярославце, в деле при Крестах (за подвиги при Крестах награжден орденом Владимира 4-й степени). Участник Заграничного похода 1813–14 гг.: Лодзь, Дрезден, Кульм (Анна 2-й степени), Париж. В 1819 г. получил чин полковника. В отставке с 1821 г. Помещик Новгородской губернии Крестецкого уезда, село Перетенки с деревнями. Женат на княжне Марии Дмитриевне Голицыной. Их сын – князь Дмитрий Александрович Ухтомский – был женат на Софье (или Екатерине?) Ивановне Арнольди, которая была дочерью еще одного героя 1812 г. (моего третьего пра-пра-прадеда) – генерала от артиллерии Ивана Карловича Арнольди (о нем расскажу чуть позже). Хорошо помню, как второй председатель нашего Общества, Дмитрий Михайлович Афанасьев, принес на одно из заседаний и воспроизвел звукозаписи маршей полков времен 1812 г. и, в том числе, лейб-гвардии Финляндского, где служил Александр Иванович Ухтомский. Долгое время после этого мы с моей дочерью Леной любили напевать этот марш:

*Финляндцы, вы стяжали славу
Повсюду, где ходили в бой.
В сраженьях видели забаву;
Там каждый был из вас герой!*

Иван Карлович Арнольди.
Неизв. худ.

Третий пра-пра-прадед – генерал от артиллерии **Иван Карлович Арнольди** – родился 27.12.1780 г., воспитывался во 2-м кадетском корпусе, 8.12.1799 г. выпущен подпоручиком в полевой артиллерийский батальон, участник войн 1806–1807 и 1812–1815 гг. За сражение под Торгау награжден орденом Св. Георгия 4-й степени, 6.10.1813 г. произведен в полковники. По окончании войны, несмотря на потерю ноги, продолжил военную карьеру: после разных назначений состоял «по особым поручениям» сначала при Аракчееве, затем при Великом князе Михаиле Павловиче. Закончил карьеру в звании генерала от артиллерии и сенатора. Скончался в 1860 г., похоронен в Царском селе на Казанском кладбище.

Четвертый пра-пра-прадед – **Павел Петрович Воронцов-Вельяминов**. Он родился в 1795 г., служил в Глуховском кирасирском полку. В 1809 г. (14-ти лет от роду!) участвовал в походе в Галицию, в 1812 г. за храбрость в Бородинском сражении получил золотую шпагу. Сражался под Малоярославцем, Вязьмой, Красным. В 1813 г. участвовал в походах в Саксонию и Богемию, в 1814 г. – в походе во Францию, контужен в бою на р. Сейн, в 1821 г. из-за этого ранения получил отставку в чине штабс-капитана. В селе Головiline Крапивенского уезда Тульской губернии имел 137 душ. В 1844–1847 гг. был в числе девяти помещиков, ходатайствовавших на высочайшее имя «об освобождении из крепостной зависимости с наделением землею ... всех вообще крестьян, а не лично только своих». Умер в 1869 г. в Головiline. У меня есть его фотография (он был одним из очень немногих участников войны 1812 г., доживших до изобретения фотографии) и копия послужного списка. Моя бабушка, его правнучка, Софья Павловна Воронцова-Вельяминова (1884–1974), хранила в памяти много семейных преданий о Павле Петровиче.

Павел Петрович Воронцов-Вельяминов

Так, она рассказывала, что однажды жена Павла Петровича обратила его внимание на то, как хорошо колосятся поля. «Видел я поля, да не такие», – отвечал Павел Петрович (поля сражений). Потомки Павла Петровича очень ревностно относились ко всему, что связано с Отечественной войной 1812 г. Его внук, Павел Алексеевич Воронцов-Вельяминов, был автором нескольких памятников на Бородинском поле, в том числе памятника Кутузову. А дочь Павла Алексеевича – Анастасия Павловна – еще в 1994 г. показывала мне хранившиеся у нее реликвии: ту самую золотую шпагу, которой был награжден Павел Петрович за Бородинское сражение, и... сухарь, тщательно завернутый в бумажку, на которой было написано: «Сей хлеб испечен 14 декабря 1825 года», то есть в день восстания декабристов.

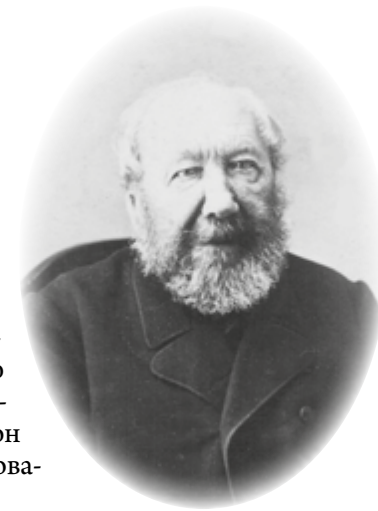
Хочу упомянуть еще об истории памятной медали, выпущенной в 1912 г. в ознаменование 100-летия войны 1812 г. По положению об этой медали, ею награждался старший потомок героя 1812 г. по прямой мужской линии. В роде Воронцовых-Вельяминовых таковым был внук Павла Петровича – Павел Аркадьевич, мой прадед, отец моей бабушки Софьи Павловны, который и был награжден этой медалью. Спасаясь от большевистского нашествия, Павел Аркадьевич переехал в Киев, но это спасло его ненадолго: в феврале 1920 г. он был убит. Но медаль сохранилась и перешла, как и полагалось, к его старшему сыну Михаилу Павловичу. Михаил Павлович (кстати сказать, он был самым молодым депутатом IV Государственной думы) эмигрировал во Францию и увез с собой медаль. После смерти Михаила Павловича в 1951 г. медаль перешла к его старшему сыну Георгию Михайловичу. У Георгия Михайловича были две дочери – Анна и Надежда, а у его младшего брата Владимира Михайловича – дочь Ольга и сын Михаил. Когда в 1960-е годы Георгий и Владимир приезжали в Москву, моя бабушка, а их тетя Софья Павловна поинтересовалась, цела ли медаль. Георгий Михайлович отвечал, что цела и находится у него. Бабушка ему сказала: «Ты должен передать ее Мише» (Михаилу Владимировичу, сыну Владимира Михайловича), так

как по положению медаль должна наследоваться по мужской линии. Но, по словам бабушки, Георгию Михайловичу ее предложение «не понравилось». Георгий Михайлович скончался в 1982 г. Когда я в 1998 г. гостил в Париже у дочери Владимира Михайловича

Памятная медаль в честь столетия победы в Отечественной войне 1812 г.

Петр Александрович Голохвастов

Ольги, то поинтересовался судьбой медали и узнал, что она тогда находилась у дочери Георгия Михайловича Надежды, которая тоже живет в Париже, но весьма уединенно и общается лишь с очень узким кругом людей. А в декабре 2012 г. Михаил Владимирович приезжал в Россию и принял участие в мероприятиях, посвященных 200-летию юбилею Отечественной войны 1812 г. В эти дни я спросил его о том, где сейчас находится медаль, и он ответил: «У меня». Так что правила наследования медали теперь соблюдены.

Пятый мой пра-пра-прадед – **Петр Александрович Голохвастов** (1796–1868) дослужился до майора. Об его участии в войне 1812 г. у меня сведений нет. Но Петр Александрович совершил благородный поступок, состоявший в следующем. К концу жизни герой Бородина Павел Петрович Воронцов-Вельяминов разорился и был вынужден продать свое родовое имение – село Головлино Тульской губернии. Петр Александрович Голохвастов купил это имение и... тут же вернул его сыну Павла Петровича – Аркадию Павловичу, а чтобы не обидеть его таким подарком, оформил его как приданое за своей дочерью Марией Петровной, к которой сватался Аркадий Павлович и на которой он вскоре и женился.

Шестой пра-пра-прадед в войне 1812 г. не участвовал по причине малолетства, но прекрасно воспел в своих стихах и прозе подвиги наших воинов. Его имя – **Александр Сергеевич Пушкин**. Интересная деталь: в состав комиссии, принимавшей в 1815 г. экзамены у лицейста Пушкина, входил Алексей Семенович Кологривов.

Седьмой пра-пра-прадед – **Александр Петрович Ланской** – родился в 1800 г. и поэтому тоже в войне 1812 г. не участвовал. Но история его жизни так интересна, что не могу удержаться и позволю себе привести здесь отрывки из книги Панчулидзева «Сборник биографий кавалергардов», посвященные некоторым эпизодам его необыкновенной судьбы.

«А.П. Ланской был дружен с товарищем, графом Ферзеном, который своей редкой красотой пленял дочь графа Павла Александровича Строганова. Тщетно упрашивала она мать согласиться на брак ее с любимым человеком: мать оставалась непреклонною, считая, что, по чужеземному происхождению и отсутствию средств, граф Ферзен не составляет подходящей для ее дочери партии; Ферзен, для достижения намеченной цели, решился на самый отчаянный шаг – увезти молодую девушку. Заручившись ее согласием, он стал

приискивать пособников и свидетелей для тайного брака. Задача была трудная. Все опасались гнева оскорбленной матери, и влияние Строганова могло вызвать строгую кару на всех причастных, тем более, что взгляд самого Императора Николая Павловича на подобные поступки был хорошо известен. Ланской сознательно пошел навстречу опасности, чтобы выручить товарища. Он и еще два другие близкие друга Ферзена (конногвардеец Бреверн и лейб-гусар Саломирский), переодетые кучерами, поджидали на тройке графиню, умчали ее в заранее подготовленную церковь, послужили шаферами и подписались свидетелями. Ферзен был переведен в гарнизон Свеаборгской крепости; пособников его хотели разжаловать в солдаты, но памятный еще отзыв Де-Прерадовича о братьях Ланских смягчил гнев Государя, и Александр Петрович был только переведен 11 августа 1829 г. тем же чином в Мариупольский полк. <...>

Нужно было доставить паше, командовавшему отдельной частью, важную бумагу, содержание которой было к тому же весьма неприятно для турецкого самолюбия. В то время международное право плохо уважалось, и курьер мог поплатиться головой за исполненное поручение. Вызвали охотников. Опальный кавалергард захотел сразу заставить новых товарищей уважать себя и взялся доставить послание. Ланские обладали имением под самой Феодосией, и, подолгу проживая там, он в детстве научился татарскому языку. <...>

Он не беспрепятственно добрался до крепости, передал бумагу, которую тут же паша велел громко прочесть; но, стесняясь присутствия курьера, он на турецком языке стал обсуждать ее со своими приближенными. По окончании совещания, паша обратился к Ланскому, спрашивая, ведомо ли ему содержание бумаги. Он ответил, что лишь отчасти. Тогда кто-то из присутствующих надоумил пашу спросить, знает ли русский курьер по-турецки, и мог ли понять то, что было говорено в его присутствии. Сердце Ланского дрогнуло, но и в эту минуту, когда жизнь его висела на волоске, он не способен был солгать. Прямо взглянув на пашу, он чистосердечно сознался, что говорит немного по-татарски, и что сходство наречий дало ему смутное понятие о происходивших переговорах. Наступило зловещее молчание. Ланской мысленно уже готовился к смерти, когда, пораздумав, паша благосклонно махнул ему рукой и вслед за тем разрешил ему вернуться домой. Он просто не верил счастливой звезде, выручившей его из опасности, и всю жизнь терялся в догадках относительно проявленного над ним турецкого великодушия. Вернее всего, что на этих опытных оценщиков храбрости неотразимо подействовала прямодушная отвага русского офицера. <...>

Этим скромным подвигом Ланской оказал большую услугу, и этот подвиг способствовал переводу его, год спустя (21 апреля 1839 г.), по Высочайшему повелению, снова в Кавалергардский полк. Но все пережитое пагубно отозвалось на его здоровье; прослужив четыре года, он был вынужден подать в отставку и поселился в своем крымском имении, где прожил недолго и скончался 20 ноября 1844 года. Тело его было привезено оттуда в село Лопасню, подмосковное имение его зятя, кавалергарда Васильчикова, с которым он был очень дружен, и погребено там, рядом с его матерью».

Восьмой пра-пра-прадед – **Пантелей Алексеевич Будченко** – был простым крестьянином деревни Ивановка Хмарской волости Ельнинского уезда Смоленской губернии. Через эту местность прошли войска Наполеона. Думаю, что Пантелей Алексеевич не мог не отозваться на нашествие на родную деревню «двунадесяти языков» и принял какое-то участие во всенародной борьбе, но сведений об этом не имею. Знаю только, что его правнук, мой дед – заслуженный врач России Ефим Михайлович Будченко (фамилия была несколько «подправлена» по Высочайшему соизволению, когда внук Пантелея Алексеевича стал управляющим в имении Энгельгардта, по ходатайству последнего) – вспоминал, что у его бабушки, то есть невестки Пантелея Алексеевича, самое страшное ругательство было: «Француз тебя подери!».

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Грибоедов А.С. О кавалерийских резервах. 1814.
2. Кологривов А.А. Вера и честь. История рода Кологривовых с XII по XX век. – М., 2000.
3. Панчулидзева С.А. Сборник биографий кавалергардов, 1724–1908. – СПб., 1901–1908.
4. Документы из семейного архива.